

ОБЩЕСТВО И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Рубеж веков был переломным временем в истории России. Резкие изменения были заметны во всем: бурный экономический подъем 90-х гг. сменился кризисом начала XX в.; реакционного, но с твердым и миролюбивым характером Александра III сменил не менее реакционный, но упрямый и слабовольный Николай II, охотно втянувшийся в дальневосточную авантюру; поражения в русско-японской войне (бессмысленность которой понимало большинство населения) крайне обострило существовавшее и до этого общественное недовольство; все требовали перемен в общественной и политической жизни страны, о чем и слышать не хотел неограниченный самодержец. В результате в стране создавалась нестабильность и крайняя социально-политическая напряженность.

Потеря почти всего военно-морского флота в войне с Японией (остался только Черноморский, проход которого через Босфор и Дарданеллы запрещали международные договоры), крайняя дезорганизация армии, вызванная ее военными поражениями, активное участие солдат и матросов в революции 1905–1907 гг., в условиях падения международного престижа царской России выводили вопрос о вооруженных силах далеко за рамки только военного и морского министерств и сделали его, по словам П.А.Столыпина, «одним из краеугольных, одним из важнейших камней» в политике «надрывающегося правительства»¹.

Состояние и развитие армии и флота волновали все слои общества. За укрепление вооруженных сил со своих социальных позиций выступали и сторонники расширения империи, включения в ее состав Галиции, «армянской» Турции (восточных ее районов, где этническое большинство в то время составляли армяне), и сторонники традиционного стремления захватить черноморские проливы, что гарантировало бы безопасность российского побережья и роста влияния России на Балканах. Но все они прекрасно понимали одно: второй Цусимы Россия пережить не может. «Я повторяю, – заявлял в Думе крайне правый депутат В.М.Пуришкевич, – вторая Цусима в России – это революция, это полное уничтожение того строя, на котором мы создались»². Но для укрепления этого строя и защиты его от социальных катаклизмов тоже нужна была армия, солдаты которой в равной мере обязывались бороться «против врага внешнего и врага внутреннего».

Как видим, самые разнообразные внутренние причины влияли на то, что вопрос о развитии вооруженных сил являлся одним из важнейших вопросов государственной политики, а стало быть и общественной жизни. Беспокойно было и вблизи границ государства: у самого порога России в XX в. прошумели одна за другой несколько войн; Италия воевала с Турцией, в результате чего дважды минировались и объявлялись закрытыми столь важные для нее в экономическом и стратегическом отношении Черноморские проливы; «пороховой погреб» Европы – Балканы – тоже дважды охватывали Балканские войны. Беспокойно было и на западе Европы, где один острый дипломатический кризис сменял другой.

Всем было ясно: мир стоит у порога всеобщей войны, всем была видна начавшаяся в ведущих европейских странах гонка вооружений, которая неизбежно должна была захватить с особой силой и Россию, только что проигравшую неудачную войну с Японией.

Армия и флот всегда были любимыми государственными учреждениями царизма. Все великие князья получали военное образование, служили в каком-нибудь из престижных гвардейских полков или в гвардейских флотских экипажах, каждый род войск (гвардию, инфантерию, кавалерию, артиллерию, флот) возглавлял кто-либо из великих князей, а сам император был главнокомандующим вооруженными силами России. Он не только производил в офицерские и генеральские чины, увольнял от службы или повышал по ней, раздавал ордена, но и подписывал и утверждал все основные военно-политические решения. Естественно, что для русского общества вооруженные силы и самодержавие стали почти синонимами и отношение к последнему определяло и восприятие первого.

Все революционеры, прежде всего социал-демократы, выступали против реакционной сущности вооруженных сил самодержавия и предусматривали в своих программах отмену обязательной воинской повинности. Партии, поддерживавшие самодержавие, выступали за их дальнейшее развитие; либералы же в годы русско-японской войны раскололись на «патриотов» и «пораженцев», которые впервые в истории русской общественной мысли публично, в печати сформулировали требование поражения «своих» вооруженных сил. Впрочем, столь крайнюю точку зрения поддерживали далеко не все либерально настроенные люди. «Я от всей души, искренно и без задних мыслей желаю победы нашим войскам», – писал С.Н.Трубецкой В.И.Вернадскому³.

Другая часть общественности и, в частности, П.Н.Милюков в годы войны резко выступала на страницах нелегального журнала «Освобождение» против призыва П.Б.Струве устроить на Невском демонстрацию под лозунгом «Да здравствует армия! Да здравствует Россия!». Он пояснял свою мысль

так: «Пусть реакционеры обвиняют нас ежедневно в измене отечеству по этому поводу, мы этого не боимся». Открыто объявив о своем нежелании, чтобы здравствовала самодержавная Россия, он осудил и здравницы в честь армии: «Пока русская армия будет кулацким символом... русской внешней политики, мы не станем кричать «Да здравствует армия!». По мнению П.Н.Милюкова, патриотизм может иметь разный характер – и революционный в том числе. «Будем патриотами для себя и для будущей России, – призывал он, – останемся верными «старой народной поговорке» – «Долой самодержавие!». Это тоже патриотично, и заодно гарантирует от опасности оказаться в дурном обществе». Еще резче выразился сын патриарха земского и освобожденческого либерализма И.И.Петрункевича (Александр Иванович). Он писал: «Что потеряет русский народ, если его флот и армия будут разбиты?.. Он потеряет уверенность, что царская сила несокрушима. А что потеряет русский народ, если его армия выйдет победоносной из этой войны? Он потеряет все!.. Он потеряет последний луч надежды на освобождение, так как правительство, упитанное победой, окрепнет и усилится настолько, что всякая попытка протеста будет невозможна»⁴.

Вооруженные силы – одна из опор реакционного самодержавного режима – слились с ним в представлении части российского общества в неразрывное целое и это определяло к ним отношение различных слоев российского общества. «Глубокий вздох облегчения вырывается из груди при чтении официальных свидетельств о крушении на Дальнем Востоке мрачной адской силы, столетиями страшным кошмаром тяготеющей над Россией, опустошающей все жизненное, самобытное, равняющей с землею все возвышающее над казенным уровнем»⁵.

Конечно же, это писалось лицами, оппозиционно настроенными к неограниченному самодержавию и желавшими его свержения. Но была и другая часть общества, желавшая военных успехов войскам. Характерно, однако, что статьи в «Освобождении» и других нелегальных газетах стали появляться до начала революции 1905–1907 гг., когда правительство стало широко применять армию не только против «врага внешнего», но и против «врага внутреннего» – восставшего после 9 января 1905 г. трудового народа России.

По сведениям военного министра для «содействия гражданским властям» в 1905 г. войска высылались более 4 тыс. раз. Для войны с собственным народом военное министерство вынуждено было выделить (с учетом повторных вызовов) 3398361 чел.⁶ Следовательно, количество солдат, привлеченных к борьбе с революцией, более чем в 3 раза превышало численность всей царской армии к началу 1905 г. (около 1 млн чел.). В несколько меньших размерах, но подобное происходило и во все остальные годы революции. Недаром военный министр А.Ф.Редигер на одном из заседаний правительства резко бросил председателю Совета министров и министру внутренних дел П.А.Столыпину: «Армия не учится, а служит Вам!»⁷.

Естественно, что активное привлечение армии к решению внутривластных вопросов еще сильнее раскалывало российское общество в его отношении к армии. При этом необходимо учесть одно обстоятельство: вплоть до появления в России Государственной думы любые вопросы, связанные с вооруженными силами были тайной за семью печатями. Они являлись личной прерогативой российского самодержца, и русское общество было лишено не только прямого, но и косвенного влияния на дела вооруженных сил. В ином положении оказались армия и флот с 1906 г., после появления в государственной структуре законодательной Думы с ее правом утверждения бюджета. Вопросы личного состава, организации и реорганизации вооруженных сил, составления военных планов по-прежнему оставались прерогативой «верховного вождя армии» (царя), но как только требовались новые финансовые расходы, обойти Думу было уже невозможно. Опытный бюрократ, министр финансов В.Н.Коковцов, выступая в «Особом совещании по рассмотрению программы развития морских вооруженных сил России», был вынужден признать, что с появлением Думы уже нельзя действовать «старыми приемами», когда начальники генеральных штабов за спиной кабинета министров через царя проводили ту или иную программу. «В настоящее время, – подчеркивал он, – соглашение двух начальников генеральных штабов ничего не стоит, пока дело... не проведено через Государственную думу в смысле расходов»⁸.

П.А.Столыпин, ознакомившись с одним из проектов представленной морским министром в Думу программы военного судостроения, возвратил ее С.А.Воеводскому, подчеркнув, что она его не удовлетворяет, и потребовал от Морского ведомства привести «целый арсенал аргументов в комиссии и пленуме Государственной думы для проведения проекта»⁹. Даже вел.кн.Николай Николаевич, председательствовавший в Совете государственной обороны, был вынужден признать, что реорганизация армии и флота зависит не столько от этого Совета, сколько от Думы, которая на это «дает деньги»¹⁰.

Это было новое во взаимоотношениях общества и вооруженных сил, т.к. если обсуждение военных и морских программ шло в закрытых заседаниях Думы и не попадало в «Стенографические отчеты», то обсуждение ежегодных бюджетов военных ведомств было публичным, печаталось во всех газетах и давало возможность обществу контролировать и критиковать деятельность военного и морского

ведомств, что широко использовалось всеми политическими партиями. Да и ассигнования на военные и военно-морские программы тоже не оставались тайной для российского общества и широко обсуждались во всех партиях и печатных органах.

Весной 1912 г., перед проведением в Думе одной из военно-морских программ царь при встрече с премьер-министром В.Н.Коковцовым подробно проинструктировал его, как ему вести себя в Думе и с ее депутатами. Если обычным правилом Николая II было требовать от министров демонстративного противоборства с ней, то сейчас, почувствовав свою зависимость от нее, он «величайше повелел» премьеру использовать каждое свое выступление в Думе и даже личные беседы с ее членами для убеждения их в том, насколько не соответствует величию России плачевное состояние ее флота¹¹.

Исполняя волю царя, В.Н.Коковцов на всех этапах прохождения программы через комиссию государственной обороны, через бюджетную комиссию и пленарные заседания Думы, поодиночке и группами обхаживал депутатов, прилагая «самые упорные настояния», чтобы «уломать» Думу. Узнав, что председатель бюджетной комиссии октябрист М.М.Алексеенко намерен не очень торопиться с обсуждением этой неотложной, с точки зрения правительства, программы, Коковцов неоднократно и настойчиво убеждал его до тех пор, пока последний «обещал не создавать искусственных препятствий»¹². На пленарные заседания Думы на обсуждение военно-морской программы приходило почти все правительство в полном составе. Убеждая депутатов принять программу, премьер выступал трижды, с широким спектром аргументов неоднократно выступал морской министр И.К.Григорович и замещавший военного министра А.П.Вернадер, министр иностранных дел С.Д.Сазонов и государственный контролер П.А.Харитонов, в гостевых ложах сидели почти все офицеры Морского Генерального штаба и все руководящие чины Главного управления генерального штаба России. День утверждения Думой программы Николай II назвал историческим днем, «днем великих надежд для России»¹³.

С неменьшей тщательностью готовилось проведение и других военных программ. Положение самодержавия крайне осложнялось тем обстоятельством, что ни военное, ни морское министерство не пользовались доверием даже правых партий, готовых безоговорочно почти во всем поддерживать самодержавное правительство. На вооруженные силы правые смотрели не только как на средство для расширения границ империи, но и как на способ сохранения стабильности внутри страны. «Армия, защищает нас не только от внешнего врага, как флот, – утверждал в Думе один из правых лидеров П.Н.Крупенский, – но вместе с тем и от внутреннего... Если вы посмотрите смету военного министерства, то увидите там 500 млн руб., которые ассигнованы на то, чтобы мятежи, которые поднимают слева, были усмирены»¹⁴.

В плане борьбы с «внутренним врагом» флот оказывался не только совершенно бесполезным, но часто даже более того – просто опасным. Дело дошло до того, что в разгар революции по повелению Николая II была создана специальная комиссия из высших представителей военного ведомства во главе с председателем Совета государственной обороны вел. кн. Николаем Николаевичем, обсуждавшая один единственный вопрос – что делать с флотом? По всем главным морским базам (Кронштадт, Севастополь, Баку, Владивосток) прокатилась волна восстаний, подавлять которые вынуждены были солдатские батальоны и полки. Военный министр А.Ф.Редигер откровенно заявил: «В настоящее время флот представляет не элемент силы, а элемент государственной опасности. Требования государственной безопасности вынуждают флот раскассировать, оставив из его состава совершенно здоровую и небольшую ячейку, состоящую из отборных элементов»¹⁵. Хотя на такую крайнюю меру пойти все же не рискнули, события 1905–1907 гг. до смерти напугали правых.

Выступая 24 мая 1908 г. в Думе крайне правый В.Пуришкевич заявил: «В ту минуту, когда мы здесь говорим, в Кронштадте для охраны мирных жителей Кронштадта держатся пехотные части, а Кронштадт полон моряков. Что это значит? Не служит ли это доказательством того, что тот элемент, который должен быть элементом силы и порядка, не представляет собой той дисциплинированной и стройной массы, на которую могли бы положиться, коей можно верить защиту в дни войны и в мирное время охрану жителей? ...Каждый раз, – продолжал он, – когда отходит в плавание наша Черноморская эскадра, я боюсь, чтобы в ней не нашлось «Потемкина», а на «Потемкине» не оказалось бы Матюшенко»¹⁶.

Именно поэтому до тех пор, пока в стране не установился «покой», правые отказывались утверждать военно-морские программы, безропотно ассигнуя деньги только на развитие и реорганизацию сильно потрепанной в русско-японскую войну армии. Не случайно в 1908 г. Дума единодушно отклонила кредиты на строительство четырех линейных кораблей типа «Севастополь». Но стоило Государственному совету одобрить эти ассигнования, а царю «в порядке верховного управления страной» утвердить решение Государственного совета, как правые развернулись на 180°. «Раньше, – заявил один из их лидеров Н.Е.Марков-второй, – мы голосовали против строительства линейных кораблей, но теперь, все наши мнения мы складываем в карман, подчиняемся воле нашего самодержца и ассигнуем деньги, для постройки броненосцев. Вот почему фракция правых будет

голосовать этот вопрос единогласно»¹⁷. И, действительно, в Думе, в прессе и везде, где только представлялась возможность, все правые – и крайние, и умеренные, и «националисты» – отныне голосовали только «за».

Расколотое общество, расколотые вооруженные силы вызывали к себе различное отношение либеральных слоев, не говоря уже о широких массах народа, почти не представленного в Думе и лишенного возможности выражать свое мнение в периодической печати.

По сути дела, очень недалеко от правых ушли представители праволиберальных партий. Почувствовав роль и значение Думы для реорганизации вооруженных сил, руководители либералов решили использовать это обстоятельство для усиления своего влияния. Особенно усердствовали в этом октябристы.

Крупнейший деятель последних лет самодержавного режима С.Ю.Витте, пребывавший в это время в почетной ссылке в Государственном совете, с сарказмом характеризовал взаимоотношение правооктябристских вожakov Думы с премьер-министром П.А.Столыпиным: «Вы, вожак Думы, можете играть себе в солдатики, я вам мешать не буду, тем более что здесь я совсем уже ничего не понимаю, а зато вы мне не мешайте вести кровавую игру с виселицами и убийствами под вывеской полевых судов без соблюдения самых элементарных начал правосудия»¹⁸.

Руководитель октябристской партии А.И.Гучков позже вспоминал, что он со своими единомышленниками с самого начала деятельности III Государственной думы, встречался с офицерами Главного управления генерального штаба для предварительного обсуждения различных вопросов, проходивших по Военному ведомству через Комиссию Государственной обороны и Государственную думу. Собрания эти проходили на частных квартирах, но были известны Военному министерству, которое командировало на них специалистов по тем или иным вопросам¹⁹.

Праволиберальная партия российской буржуазной и помещичьей общественности пыталась все более активно вторгаться в ранее не доступную сферу состояния вооруженных сил царизма.

«Все думаю о тех чрезвычайных кредитах, за которыми к нам обратится правительство на нужды обороны, – писал в январе 1910 г. А.И.Гучков. – Никак не следует упускать случая, чтобы поставить, как говорили в освободительную эпоху, свои требования». Гучков предлагал обсудить подбор командного состава, унтер-офицерский вопрос, уставы, состояние интендантского, артиллерийского и инженерного управлений, крепостей и технических заведений. «Может быть, благодаря нужде правительства в новых кредитах, – продолжал он, – нам удастся ухватить быка за рога»²⁰.

Особое негодование правых и лично Николая II вызвала попытка А.И.Гучкова коснуться вопроса о высшем командовании. С думской трибуны он объявил ненормальным положение с никому неподотчетными генерал-инспекторами родов войск (их занимали по установившемуся порядку великие князья) и вслух назвал некоторых генералов, не соответствующими своим постам. Военный министр А.Ф.Редигер согласился с тем, что некоторые из генералов действительно «слабоваты». Но на трибуну выскочил Н.Е.Марков-второй и стуча кулаками по пюпитру закричал об оскорблении, нанесенном армии, и стал грозить обидчикам всякими карами. И, действительно, вскоре царь уволил военного министра в отставку (кстати, своего учителя, преподававшего юному наследнику военную организацию).

Между тем октябристами руководили, разумеется, не антимилиитаристские идеи, а искренняя забота об улучшении плачевных дел в армии и на флоте. «Мы больше не можем позволить себе поражений, – заявил в Думе А.И.Гучков в мае 1908 г. – Действительно, новое поражение России явится не просто уступленной территорией, не просто заключенной контрибуцией, но это явится тем ядовитым укусом, который сведет в могилу нашу родину... Как ни важны другие вопросы, которые проходят здесь, в этом зале, мы должны признать, что в этот исторический момент, который мы переживаем, вопросы государственной обороны и государственной безопасности должны стать выше остальных и по важности своей, главное по неотложности решения»²¹.

Действуя в полном согласии с правительством П.А.Столыпина, октябристы были готовы на любые просимые им средства и на флот и на армию, но требовали, чтобы была хоть какая-нибудь гарантия их рационального использования для действительного укрепления и развития вооруженных сил России. Для чего необходим был, по их мнению, контроль Государственной думы за практической реализацией ассигнований. Подобная позиция в то время находила поддержку как со стороны правительства, так и царя. Именно поэтому членов партии октябристов допустили не только в бюджетную комиссию, но и в тайное тайных III Думы – Комиссию по государственной обороне. Правительство Столыпина рассматривало октябристов как одну из своих опор, о чем откровенно заявлял в начале деятельности III Думы и сам Николай II. Принимая 15 мая 1909 г. представителей правых фракций и фракций октябристов, царь сказал: «Сожалею, что не вся Дума состоит из таких людей, как вы, тогда спокойна была бы Россия, и я был бы счастлив»²².

И, действительно, октябристы искренне «радели» за всемерное укрепление вооруженных сил, не исключая применения их и для борьбы «с врагом внутренним». Докладчик комиссии по

Государственной обороне III-й Государственной думы октябрист Н.В.Савич так определил позицию своей партии: «Мы должны убедиться, что деньги (на вооруженные силы – К.Ш.) нужны и именно... на эту цель, на которую они испрашивались... При этом мы исходили из того же самого положения, на котором находилось и правительство»²³. Именно для этого октябристы требовали полной сенаторской ревизии и реорганизации по ее результатам военного и морского министерств.

Однако запрос октябристов оказался для самодержавия слишком велик, и Николай II на это не пошел²⁴. Он рассчитывал и без ревизий «приказать дать деньги», но их нужно было прежде всего иметь в государственном бюджете, для чего планировалось ввести новые налоги. Здесь же миновать Государственную думу было никак нельзя. Признав это, Совет министров вынужден был обратиться к царю со специальной просьбой сделать хоть шаг навстречу Думе и не только сменить не ладившего с ней морского министра, но и проверить деятельность этого ведомства, (если не сенатской ревизией, то хотя бы комиссией из членов Государственного совета)²⁵. Николай II вынужден был сделать еще один шаг навстречу Думе. Принимая комиссию Государственного совета, составленную из трех особо доверенных лиц в генеральских чинах, царь заявил, что поручает им «обследовать кораблестроительное дело в видах скорейшего воссоздания нашего боевого флота»²⁶.

Получив такое недвусмысленное напутствие, комиссия быстро «провернула» свою работу и в январе 1911 г. подала царю доклад, в котором содержалась довольно серьезная критика деятельности морского ведомства²⁷. Подобные, пусть и незначительные шаги навстречу Думе, удовлетворили не только октябристов, но и более левые либеральные партии конституционных демократов и прогрессистов, которые охотно сотрудничали с комиссией Государственного совета, подав ей свою «Записку о мерах, необходимых для ускорения и улучшения кораблестроения»²⁸.

Отношение кадетской партии к вооруженным силам было хотя и более сложным, чем у октябристов, но по существу своему схожим. Конечно, кадетов не устраивало использование армии и флота для вооруженной поддержки тех самодержавных порядков, которые никак не согласовывались с их программными установками, но и великодержавные интересы были им отнюдь не чужды. На закрытых заседаниях центрального комитета кадетской партии их лидер П.Б.Струве заявлял: «Мы – одна из самых мощных стран. Мы могли бы говорить таким языком, чтобы все попрятались в нору»²⁹. Те же идеи звучали в изданном под редакцией того же Струве (на деньги Рябушинских) сборнике «Великая Россия». В выступлении в Думе лидер партии и кадетской фракции П.Н.Милюков в 1912 г. говорил: «При будущем делении сфер влияния или территориальных приобретений что же останется нам? Об этом говорить считается неудобным, но и умолчать нельзя. Это вопрос о проливах»³⁰. Именно из-за своей империалистической ориентации тот же Милюков на заседании ЦК кадетской партии заявил: «К планам царизма в области внешней политики наше отношение должно быть иное, чем во внутренней, менее партийное. Мы должны выражать мнение по возможности общенационального значения, стоять на внепартийной точке зрения»³¹.

Эта «внепартийная, общенациональная» точка зрения, конечно же, подразумевала необходимость реорганизации и развития вооруженных сил России. Но не только это. В отличие от крайне правых, рассматривавших революционное движение как «недоработку» министерства внутренних дел, кадеты видели, что милитаризация страны должна быть ограничена некоторыми рамками, а не проводиться беспредельно. Отсюда и постоянные выступления в Думе против крайностей милитаризма главного критика при обсуждении государственного бюджета А.И.Шингарева, и поездка с антивоенными лекциями по стране в 1911 г. П.Н.Милюкова и других кадетских лидеров, и серия антимилиитаристских статей в кадетском офицозе «Речь» в 1912 г.

В принципе в отношении к назревавшей мировой войне кадеты сами не видели различий между своей позицией и позициями более правых партий. Выступая на заседании центрального комитета тот же А.И.Шингарев сам признал это: войны боятся все, потому что боятся революции. «Нет ни одной политической группы в Думе, – заявил он, – которая подходила бы к войне с легким сердцем»³². Пускаться в легкомысленные и плохо подготовленные внешнеполитические «предприятия» было, по мнению кадетской партии, совершенно невозможно: «при современном состоянии страны война явилась бы в высшей степени рискованным шагом не только с внешней стороны, но и со стороны возможных внутренних осложнений»³³. Но подготовка к войне должна была, по мысли кадетов, заключаться не только в развитии вооруженных сил, но и в реорганизации всего государственного строя, всех ведомств. В борьбе за реформы после русско-японской войны кадеты, по их собственным словам, «избрали как бы точкой самого слабого сопротивления в спорах и прениях по отношению к правительству именно морское министерство»³⁴.

Кадеты, подобно октябристам, также хотели использовать думскую трибуну и нужду самодержавия в средствах на перевооружение армии и флота для выдвижения своих требований, но куда более широких и далеко идущих, чем требования октябристов. «Наш отказ в кредите (на Большую программу Военного министерства – К.Ш.) имеет весьма определенный смысл: желание, чтобы или это правительство ушло или переменило свою тактику, – заявил П.Н.Милюков в Думе незадолго до

начала мировой войны, в апреле 1914 г. Разъясняя смысл этого высказывания, Милоков позже писал: «Всякая попытка толковать его какими-либо антимилитаристскими соображениями была бы неправильна и опровергалась бы целым рядом других голосований фракции за вооружение. Ближе всего голосование 1914 г. стоит к подобному же голосованию большинства III Государственной думы против кредитов на новые броненосцы из-за желания вызвать коренную реформу порядков в ведомстве, получившем название «цусимского»³⁵.

Единственными, кто всегда и последовательно выступал против ассигнований на развитие вооруженных сил России были представители революционных партий (народные социалисты, трудовики, эсеры, социал-демократы). Выступая с думской трибуны, социал-демократ И.П.Покровский от имени своей фракции заявлял, что в прогрессивном росте военных расходов Дума всегда шла услужливо навстречу правительственным требованиям. В стремлении царизма укрепить свою военно-полицейскую мощь его поддерживают не только правые, националисты и октябристы, этой идеей заразились и «соседи слева» из так называемой «ответственной оппозиции» – прогрессисты и кадеты, тоже в конце концов согласившиеся на военно-морские ассигнования (на Черноморский флот, нацеленный для борьбы за Черноморские проливы). И.П.Покровский справедливо отмечал: «В четырехчасовой речи депутат Шингарев нагромоздил бесконечный ворох жалоб на нищету, бедность, некультурность России и т.д. Он видит, конечно, что из-за этих расходов на военные и морские надобности Россия, оставаясь в том же положении десятки лет, будет оставаться такой же некультурной и бедной»³⁶.

От имени социал-демократической фракции И.П.Покровский решительно возражал против использования ресурсов государственного казначейства на рост военных расходов. Он упрекал большинство Государственной думы в том, что оно ничего не сделало для облегчения налогового бремени на неимущие классы населения и подчеркивал, что думским поощрением милитаризма страна обрекается на культурный застой и обнищание широких масс населения³⁷.

А расходы эти с возникновением Государственной думы не только не уменьшились, но и более того – значительно возросли, что было связано, разумеется, не столько с ее созданием, сколько со значительным укреплением финансового положения России в годы предвоенного промышленного подъема. Все более и более возрастающие военные расходы стали важнейшим фактором, влиявшим на взаимоотношения между российским обществом и вооруженными силами, тем более, что Николай II с самого начала своего царствования пустился в явно авантюристическую внешнюю политику. С первых же дней восшествия на престол он требовал все новых и новых военных расходов. Опытный бюрократ министр финансов С.Ю.Витте при составлении «предельного бюджета»* военного и морского ведомств на 1898–1903 гг. отмечал, что в предыдущее пятилетие на военные нужды уже выделялось более 1,58 млрд руб., в связи с чем платежеспособные возможности населения исчерпаны почти полностью. Несмотря на быстрое развитие экономики в последнее десятилетие, отмечал С.Ю.Витте, стране грозит бюджетный дефицит и «никакая страна, даже самая богатая, не может выдержать непрестанно напряженного военного бюджета»³⁸. Но самодержец оказался глух к доводам министра финансов и, взяв тогда курс на войну против Японии, требовал все новых и новых чрезвычайных ассигнований. Государственный совет, назначавшийся в то время самим царем из отставных министров и других многоопытных бюрократов, также предупреждал царя, что государственный долг страны в 1902 г. достиг 6629 млн руб., более половины которых (около 3,5 млн) падает на внешние займы. Дальнейший рост расходов, и прежде всего – на гонку вооружений, подорвет «не только финансовое благополучие (государства – К.Ш.), но и его внутреннюю мощь и международное политическое значение»³⁹. Однако Николай II держал твердый курс на дальневосточную авантюру. Чем она закончилась – общеизвестно. Наибольшие потери понес флот: в водах Тихого океана погибло или было захвачено в плен около 70 боевых кораблей и вспомогательных судов общей стоимостью в 230 млн руб. золотом, а вместе с артиллерийским и минным вооружением, хранившемся в Порт-Артуре и тоже захваченном японцами, прямые материальные потери флота составили 265888951 руб.⁴⁰ В результате войны оказалась расстроеной и крайне ослабленной и сухопутная армия. По подсчетам В.Н.Коковцова (сменившего на посту министра финансов С.Ю.Витте) прямые расходы на русско-японскую войну составили 2,3 млрд руб.⁴¹ Позже эта цифра была им увеличена до 2,6 млрд, а с учетом и косвенных потерь народного хозяйства авантюра на Дальнем Востоке обошлась стране не менее чем в 4-6 млрд руб.

Но и появление после октябрьского манифеста 1905 г. законодательного представительного учреждения – Государственной думы – не привело, как указывалось выше, к ограничению военных

* До создания законодательной Государственной думы 17 октября 1905 г. в России существовала т. наз. система «предельных бюджетов», когда военному и морскому ведомствам отпускалась на пятилетие определенная сумма средств, которые они расходовали по собственному усмотрению. В случае необходимости дополнительных расходов на новые программы развития армии и флота, из казны выделялись дополнительные целевые ассигнования.

расходов царизма. Если перед русско-японской войной на перевооружение армии и флота, кроме обычного бюджета, из казны было выделено 775 млн руб., то после нее, к началу первой мировой войны, законодательными органами было ассигновано только на новое вооружение армии и флота 1810 млн руб. В период с 1898 по 1913 г. согласно отчетам Государственного контроля суммарный бюджет военного и морского ведомств составил 8381367 тыс. руб. золотом. На флот и армию царская Россия потратила за это время более 22% всех своих общегосударственных расходов. Если к этой сумме прибавить определенные министром финансов 4–5 млрд руб. косвенных и прямых потерь народного хозяйства от русско-японской войны, то получится, что всепожирающий молох милитаризма проглотил от 12,3 до 13,3 млрд золотых рублей.

Что значила для нищей России эта сумма, можно понять, сопоставив ее с другими цифрами: общий капитал всех акционерных компаний России (без железнодорожных) составлял к 1 мая 1914 г. около ее трети (4639,4 млн руб.)⁴², стоимость железнодорожного транспорта (с железнодорожными заводами, мастерскими, железнодорожным телеграфом и т.д.) на 1 января 1914 г. равнялась 5,115 млн руб., стоимость всей промышленности – 6083 млн руб.⁴³. А ведь на создание этих фондов ушли не только последние 16 лет, а многие десятилетия в развитии российского общества.

Отток колоссальных сумм в непроизводительную сферу был важнейшим следствием развития милитаризма в России. Однако неверно было бы считать 12–13 млрд руб. просто потерянными для народного хозяйства, ибо некоторая часть из них оказалась вложенной в казенную и частную металлообрабатывающую (а частично и горнодобывающую) промышленность, развивавшуюся за счет военных заказов, но могущую, естественно, выполнять не только их. Общие цифры бюджетов военного и морского ведомств не могут дать представления о той сумме, которая предназначалась военной промышленности и таким образом повлияла на ее развитие, ибо большая часть ассигнованных военному и морскому ведомствам средств шла на содержание личного состава, строительство казарм и других служебных помещений, продовольствие, фураж и т.д.

Более полное представление о той реальной базе, которая служила основой для развития крупной промышленности, могут дать сведения об ассигнованиях на перевооружение армии и флота. В XX в. даже хорошо освоенное и несложное в производстве вооружение (винтовки, патроны, снаряды, большинство инженерного имущества) могло быть произведено только крупной промышленностью, и можно считать, что почти все ассигнования по военным и морским программам достались именно ей. С 1898 по 1914 г. только на перевооружение армии и флота было выделено 2585 млн руб.; и хотя к началу первой мировой войны оба ведомства смогли использовать только часть этих ассигнованных средств (окончательное выполнение большинства предвоенных программ намечалось на 1917–1919 гг.) крупный капитал, устремившийся в военную промышленность, рассчитывал не только на эту сумму, а на гораздо большую прибыль. Военная верхушка России не считала себя удовлетворенной одобренными программами и вынашивала планы дальнейшего развития армии и флота. Некоторые из них уже получили поддержку «верховного вождя армии» (Николая II) и правительства. Так, морскому министру удалось добиться одобрения «Закона об императорском российском флоте», по которому предполагалось потратить на новое судостроение 2,1 млрд руб. золотом.

Помимо огромных общих размеров военные заказы имели и другие особенности: во-первых, они могли быть выполнены только крупной промышленностью; во-вторых, военные ведомства давали их только тем предприятиям, которые уже имели опыт производства вооружения, или представляли гарантии крупных банков и ведущих промышленных фирм мира в успешности их выполнения. В итоге гонка вооружений приводила не только к росту экономической силы российской буржуазии, подчинению ей через взятки и подкупы некоторых органов государственного аппарата⁴⁴, но и усиливала ее влияние на решение важных государственных дел.

Одним из главных итогов влияния милитаризма на экономику страны и состояние русского общества было критическое состояние социальной сферы. Чтобы «выжать» из бюджета многие миллионы и миллиарды рублей на военное и морское министерства, правительство без конца закручивало налоговый пресс, вводя все новые и новые косвенные налоги и увеличивая старые. Оно сокращало до предела все расходы на просвещение, науку, здравоохранение и другие социальные нужды. Так, в 1900 г. на университеты было израсходовано 4,4 млн руб., на средние учебные заведения – 97 млн руб., на Академию наук – 486,9 тыс. руб. Через год расходы на университеты сократили почти на 4 тыс. руб., зато военное и морское министерства получили на 7,5 млн руб. больше⁴⁵. И при Думе рост военных расходов опережал увеличение затрат на любое из гражданских ведомств⁴⁶.

Однобокое развитие экономики, обнищание народных масс, отсутствие материальных условий для развития культуры и науки, безграмотность народа – это тоже результат гонки вооружений. Все это, естественно, непосредственно влияло на развитие народного хозяйства страны, на состояние российского общества, его политическую культуру и экономический прогресс.

Из анализа взаимоотношений общества и вооруженных сил в дореволюционной России в начале XX в. вытекает ряд общих выводов. Во-первых, создание Государственной думы разделило эти взаимоотношения как бы на два периода. До ее появления общество было совершенно отстранено от какого-либо влияния на состояние и развитие вооруженных сил. Это оставалось прерогативой неограниченного самодержца и окончилось катастрофой русско-японской войны. С появлением после манифеста 17 октября 1905 г. законодательной Государственной думы и ряда политических партий возник известный контроль над вооруженными силами: стало возможным гласно обсуждать их состояние и перспективу развития как в самой Думе, так и в прессе. В результате вовлечения в политическую жизнь общества многомиллионных народных масс самодержавие перестало быть неограниченным, оказалось в известной зависимости от политического климата в стране, от выборных органов, от Думы, вынуждено было считаться с ней и кое в чем идти ей на уступки. Это не пошло во вред флоту и армии, но вследствие социально-экономической отсталости России, финансовых трудностей и тяжелого наследия, оставшегося после русско-японской войны и революционных потрясений 1905–1907 гг., вооруженные силы России оказались явно не подготовленными к тем требованиям, которые предъявила первая мировая война ко всем вступившим в нее государствам. Тяжелое социально-экономическое и политическое наследие царской России не дало ей раскрыть огромные материальные и духовные силы государства без радикальных перемен в жизни общества.

Необходимо отметить и другое. Весьма значительное бюджетное финансирование строительства вооруженных сил имело далеко идущие социально-экономические последствия. Оно дифференцировало общество, резко обострило и без того напряженные до предела социально-политические противоречия в нем. Богатые становились богаче, бедные – беднее. Возросшая экономическая сила буржуазии усиливала ее претензии на политическую власть в стране, на влияние в сфере, еще сравнительно недавно бывшей «заповедной» областью «благородного сословия» – дворянства и чиновной бюрократии. Та же милитаризация вела к обнищанию широких народных масс, лишала русское общество необходимых средств для развития просвещения, науки, культуры, она же ограничивала возможности самого правительства в сфере социального реформаторства. В конечном итоге самодержавие не могло подготовить страну и общество к тяжелым испытаниям первой мировой войны и предотвратить крах 300-летней монархии Романовых.

- ¹ Доклады бюджетной комиссии Государственной думы. III созыв. I сессия. СПб., 1908. Стб. 3011.
- ² Стенографические отчеты Государственной думы. Созыв III. Сессия I. СПб., 1908. Ч. III. Стб. 1390.
- ³ Архив РАН (г. Москва). Ф. 518. Оп. 1. Д. 1656. Л. 9.
- ⁴ Освобождение. № 9 (43). С. 350; № 46. С. 399.
- ⁵ Там же. № 52. С. 47.
- ⁶ Петров В.А. Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.-Л., 1964. С. 5.
- ⁷ Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916. М., 1924. Т. 1. С. 42.
- ⁸ РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 1372. Л. 26.
- ⁹ Там же. Д. 1409. Л. 287.
- ¹⁰ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 26. Л. 39.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 653. Л. 17.
- ¹² Там же. Л. 18.
- ¹³ Морской сборник. № 7. 1912. Официальная часть. С. 3.
- ¹⁴ Стенографические отчеты Государственной думы. Созыв III. Сессия I. Ч. III. Стб. 1247.
- ¹⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 290. Д. 126022. Л. 4.
- ¹⁶ Стенографические отчеты Государственной думы. Созыв III. Сессия I. Ч. III. Стб. 1388.
- ¹⁷ Там же. Стб. 1563.
- ¹⁸ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. III. С. 498.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 737. Л. 32.
- ²⁰ ГАРФ. Ф. 932. Оп. 1. Д. 132. Л. 17.
- ²¹ Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике. 1908–1917 гг. Пг., 1917. С. 31.
- ²² ГАРФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 107.
- ²³ Стенографические отчеты Государственной Думы. Созыв III. Сессия II. СПб., 1909. Ч. III. Стб. 994.
- ²⁴ Поливанов А.А. Указ. соч. С. 99.
- ²⁵ РГА ВМФ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 182. Л. 5.
- ²⁶ Архив РАН (г. С.-Петербург). Ф. 749. Оп. 2. Д. 77. Л. 59.
- ²⁷ РГА ВМФ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 77.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 127. Л. 1-81.
- ²⁹ Там же. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 226.
- ³⁰ Стенографические отчеты Государственной думы. Созыв III. Сессия V. СПб., 1912. Ч. 4. Стб. 2227.
- ³¹ ГАРФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.
- ³² Там же. Л. 8.
- ³³ Там же. Д. 31. Л. 7.
- ³⁴ Стенографические отчеты Государственной думы. Созыв III. Сессия II. Ч. III. Стб. 1038.
- ³⁵ ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 946. Л. 3.
- ³⁶ Стенографические отчеты Государственной думы. Созыв III. Сессия V. СПб., 1912. Ч. II. Стб. 3336-3337.
- ³⁷ РГИА. Ф. 1278. Оп. 4. Д. 634. Л. 104.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 283. Л. 7.

³⁹ Там же. Оп. 1. Д. 291. Л. 17-18.

⁴⁰ РГА ВМФ. Ф. 403. Оп. 1. Д. 1721. Л. 2-4.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 82. Л. 34.

⁴² *Шепелев Л.Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 234.

⁴³ *Вайнштейн А.Л.* Народное богатство и народное накопление предреволюционной России. М., 1960. С. 368.

⁴⁴ Подробнее см.: *Шаццлло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота накануне первой мировой войны. 1906–1914 гг. М., 1968. С. 283-295.

⁴⁵ Отчет Государственного контроля... за 1901 г. СПб., 1902. С. 20-21.

⁴⁶ Отчет Государственного контроля... за 1913 г. СПб., 1914. С. 20.